ОБРЕЧЕННАЯ НА УСПЕХ

Завтра у знаменитой актрисы юбилей...

независимая газ. — 1995 г. — 11 нояб. — с. 1

Людмила Гурченко.
Фото РИА «Новости»

Виктория Никифорова

Звезда

ГУРЧЕНКО — это шальной взгляд и балетная стать. Это неподражаемая усмешка и хриплый голос — то ли прокуренный, то ли сорванный криком. Это перехват талии, как взволнованный перехват горла — в... десять лет и навсегда.

О том дебюте, как у нее, можно было только мечтать. Эпоха, наступавшая вместе с «Карнавальной ночью», манила обещанием свободы — в том числе и актерам. Казалось, вот-вот время узаконит и вознаградит актерскую жажду славы, избавив кумира толпы от необходимости перед этой толпой скромничать. А Людмила Гурченко всегда была индивидуалисткой. Атмосферой ее роли стало начало нового года, нового времени, весь восторг самоутверждения, вырвавшийся из стальных объятий прежнего порядка. Гурченко сыграла то, как становятся звездой — в один прекрасный вечер, в фокусе восхищенных взглядов сотен зрителей. Она и стала звездой — наутро после премьеры. Но ненадолго.

Что было потом — слишком известно. Годы молчания. Годы неприсутствия — на экране и на сцене. И возвращение, негромкое, но покоряющее. Роли-шедевры в «Пяти вечерах», в «Двадцати днях без войны»... Роли, в которых судьба поколения, сыгранная ею, безжалостно и окончательно — не разорвать — срослась с ее собственной судьбой.

Ее имидж — несомненный и сознательный ремейк образа Марлен Дитрих. Но заимствованную схему она наполнила такими живыми, до боли знакомыми подробностями быта, войны, вечно неустроенного существования, что отвлеченная безукоризненность ее «модели» ушла в тень. На свету — слепящем свету психологической правды — осталась Гурченко. Следы стиля Марлен в ее работе — словно фотокарточка актрисы, сбереженная в блиндаже, — придуманное воспитание, обреченная мечта в самом сердце военного ада.

Контраст элегантных манер и сердечной смуты — суть ее стиля — был свойствен и ее современнику, другому всеобщему любимцу — Андрею Миронову. Именно умение преображать косную угрюмую жизнь, озаряя ее блеском какого-то нездешнего — «западного» — изящества, делало их «звездами», пусть и в очень специфическом, российском понимании слова.

Вплоть до последней премьеры (сегодня это спектакль Театра сатиры «Поле битвы после победы...») героини Гурченко — натянутые, как струна, легкие, как пламя, циничные, воинствующие, влюбленные, — помогают и учат жить. Ее игра не позволяет забыться, покорно отдаваясь шквалу тоски или веселья. Гурченко всегда помнит, когда нужно сменить настрой, и меняет интонацию с брехтовской резкостью и точностью. Бесшабашная удаль женщин, придуманных ею, отдает терпкой печалью, но сквозь их скорбь упрямо пробивается неубитая радость.

Ей не грозит старость — победительная грация ее манер заставляет отступить время. Тем более ей не грозит забвение. Умение выжить и дерзко смеяться в лицо невзгодам — главная тема, сыгранная и прожитая ею, — никогда не потеряет актуальности. В этой стране, по крайней мере.